

НЕ ОХИЛѢЕЪ ЕДИНОМЪ
БЪДЕТЪ ЖИВЪ
ЧЕЛОВѢКЪ

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ
МАТЬ ТОМУ
БОГЪ НЕ ОТЕЦЪ

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО

ИЗДАНИЕ

БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО

СВ. СЕПТЕМЪАНИИ
ВОЛОГДСКАГО ЧУДОТЪ

СВ. СТЕФАНА
ВЪ ПЛКЪЗЪ ПЕРМСКОМЪ

№ 58
1907.

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Богатство.—Святый Іоаннъ Златоустъ. (По поводу 1500-лѣтія со дня его кончины 14 сентября. 407—1907 г. г.).—Проповѣдникъ истиннаго возрожденія Россіи.—Изъ дѣтскихъ воспоминаній. М.....аго.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

БОГАТСТВО.

Богатство не зло, если мы захотимъ пользоваться имъ, какъ должно; а зло—гордость и тщеславіе. Если бы богатство было зломъ, то мы всѣ не молились бы войти въ нѣдра Авраама, который имѣлъ триста осмнадцать рабовъ, рожденныхъ въ его домѣ. Богатство слѣдовательно—не зло, а зло—беззаконное употребленіе его. Какъ прежде, говоря о пьянствѣ, я не вино осуждалъ—потому что всякое созданіе Божіе добро, *и ничтоже отменно, со благодареніемъ прие́млемо* (1 Тим. IV, 4);—такъ и теперь я не богатыхъ обвиняю и не богатство осуждаю, а худое употребленіе богатства, истрачиваемаго на распутство. Потому оно и называется богатствомъ, чтобы мы распоряжались имъ, а не оно нами. Для чего же ты раба дѣлаешь своимъ господиномъ? Для чего извращаешь порядокъ? Но я желалъ бы знать, что дѣлають теперь не пришедшіе въ собраніе и чѣмъ они занимаются. Они или играютъ въ кости, или непременно занимаются житейскими дѣлами, исполненными безпокойства. А если бы ты, человекъ, присутствовалъ здѣсь, то былъ бы въ покоѣ и въ пристани; домоправитель не пришолъ бы безпокоить тебя, управитель не смущалъ бы, рабъ не тревожилъ бы житейскими дѣлами, и никто другой не огорчалъ бы тебя; проводя время спокойно, ты наслаждался бы слушаніемъ божественнаго ученія. Здѣсь нѣтъ никакихъ волненій, нѣтъ никакого смятенія, но благословеніе, молитвы, духовное собесѣдованіе, преселеніе на небо; отсюда вышелъ бы ты, получивъ залогъ царства небснаго. Для чего же ты, оставивъ эту богатую трепезу, перешелъ къ другой, непріятнѣйшей, и оставивъ пристань, промѣнялъ тишину на безпокойство? Прискорбно, что нѣтъ здѣсь бѣдныхъ, которые тогда присутствовали, но не такъ прискорбно, какъ то, что нѣтъ здѣсь богатыхъ. Почему? Потому, что бѣдные, держа себя трудами рукъ своихъ, имѣють необходимыя занятія, заботятся о ежедневной работѣ, пекутся о пропитаніи дѣтей, наблюдаютъ за женою, и если бы не трудились, то не могли бы поддержи-

вать своей жизни. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы составить рѣчь въ защиту ихъ, но чтобы показать, сколь большого осужденія достойны богатые. Чѣмъ большими пользуются они удобствами, тѣмъ большаго достойны осужденія, потому что ничто подобное не удерживаетъ ихъ.

(Изъ твореній Св. Іоанна Златоустаго).

СВЯТЫЙ ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЬ.

(По поводу 1500-лѣтія со дня его кончины. † 14 Сентября 407—1907 г. г.).

14 Сентября 1907 года исполнилось ровно 1500 лѣтъ со дня кончины великаго свѣтильника вѣры и благочестія святаго Іоанна Златоустаго, Архіепископа Константинопольскаго.

Пятнадцать вѣковъ прошло со времени его нреставленія, но онъ никогда не умиралъ въ памяти послѣдующихъ поколѣній. Такіе свѣточи безсмертны въ памяти народовъ.

Многое, очень многое въ нашей жизни напоминаетъ намъ великаго Святителя и Отца Церкви. Чинъ литургіи, имъ составленный, повседневно слышимъ мы въ нашихъ храмахъ. Его церковныя бесѣды и поученія служатъ истиннымъ украшеніемъ нашего проповѣдничества. Его толкованія на Священное Писаніе самыя лучшія и незамѣнимыя. Сохранилось извѣстіе, что св. Іоаннъ Златоустъ, заботясь о хрістіанскомъ просвѣщеніи язычниковъ, послалъ проповѣдниковъ Слова Божія къ тогдашнимъ обитателямъ южной Россіи—Скиѣамъ и долженъ быть почитаемъ однимъ изъ первыхъ нашихъ просвѣтителей. Страдальческая кончина Святителя Іоанна послѣдовала также въ Русскихъ предѣлахъ,—въ нынѣшней Абхазіи, около сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря, въ 12 верстахъ отъ Сухума.

Отрывки изъ твореній Святителя составляютъ украшеніе нашего скромнаго изданія. Считаемъ насущною потребностью, хотя кратко, изобразить жизнь великаго Святителя и, хотя бѣгло, обозрѣть его безсмертныя творенія.

Невольнo рождается вопросъ, какая сила содѣйствовала первоначально развитію ума особенно же благочестію сердца великаго Отца Церкви? Вотъ какой отвѣтъ даетъ на этотъ вопросъ исторія. Іоаннъ былъ сынъ Сирійскаго военачальника, по имени Секунда, но остался отъ него сиротой въ столь юномъ возрастѣ, что едва-ли и запомнилъ отца. Все бремя воспитанія сына выпало на долю благочестивой матери его Анфусы.—Вотъ гдѣ первоначальная зиждительная сила умственнаго развитія и добраго хрістіанскаго воспитанія великаго отца Церкви. Сила эта—

доброе сердце матери христіанки. Это—единственная въ своемъ родѣ и великая сила, какъ въ видимой природѣ свѣтъ и теплота лучей солнечныхъ. Не будемъ далеко ходить за примѣрами. Возьмемъ ихъ изъ жизни другихъ Отцовъ и учителей Церкви. Кому обязанъ благочестивымъ настроеніемъ съ ранняго дѣтства, любвеобильностію и стремленіемъ къ общенію съ Богомъ святой Василій Великій? Своей святой матери Эмилиі. Кому обязанъ *первымъ и самымъ важнымъ*, по его сознанию, *воспитаніемъ*, направившимъ послѣдующія его стремленія къ познанію Премудрости Божіей, Св. Григорій Богословъ? Своей благочестивой матери Ноннѣ. Кому обязанъ своимъ воспитаніемъ въ духѣ вѣры и благочестія, подготовившимъ его къ обращенію въ христіанство блаженный Августинъ? Своей благочестивой матери Моникѣ. Кому обязанъ раскрытіемъ пламенной любви къ Богу и ближнему въ дѣтскомъ сердцѣ и ревности о славѣ Божіей св. Іоаннъ Златоустъ? Своей благочестивой матери Анфусѣ.—Нужно-ли отсюда выводить заключеніе? Развѣ то, которое многократно изречено нашимъ Спасителемъ: *имѣяй уши слышати да слышитъ*.

Оставшись двадцатилѣтнею вдовою, благочестивая Анфуса, не захотѣла снова вступить въ бракъ, чтобы всю себя отдать святому дѣлу воспитанія своего единственнаго сына. Она сама своимъ примѣромъ старалась привить доброму впечатлительному сердцу дитяти глубокую вѣру въ Бога и пламенную любовь къ ближнимъ. Когда сынъ ея сталъ подростать, образованіе его ума она поручила самымъ лучшимъ, какихъ только можно было найти, учителямъ. Усердію и заботливости доброй матери дивились окружающіе. Видя, сколько труда и старанія прилагаетъ благочестивая Анфуса къ дѣлу воспитанія сына, одинъ изъ его учителей, знаменитый риторъ Ливаній, самъ непросвѣщенный свѣтомъ христіанства, невольно восклицалъ: „какія прекрасныя женщины у этихъ христіанъ!“ Способности юнаго Іоанна были блестящи. Ливаній полюбилъ своего ученика и привязался къ нему. Онъ готовъ былъ избрать его своимъ преемникомъ. На вопросъ—кого желалъ бы видѣть онъ своимъ замѣстителемъ—Ливаній съ грустью отвѣчалъ: „конечно, Іоанна, еслибы не отняли его у насъ христіане“.

Кончивъ образованіе, Іоаннъ нѣкоторое время пребывалъ въ свѣтскомъ званіи—сдѣлался адвокатомъ и своимъ краснорѣчіемъ стяжалъ себѣ добрую славу, не только у христіанъ, но и язычниковъ. По обычаю тогдашняго времени онъ принялъ св. крещеніе въ годы мужества. Свѣтская служба и мірская слава не въ состояніи были удовлетворить потребностей его благочестивой души, стремившейся къ общенію съ Богомъ и къ жизни уединенной, сосредоточенной. Принявъ крещеніе отъ тогдашняго

Епископа Антіохійскаго Мелетія, св. Іоаннъ сталъ извѣстенъ ему своей глубокой вѣрой и благочестіемъ. Епископъ полюбилъ его, какъ сына, привлекъ въ клиръ и назначилъ его первоначально чтецомъ церковнымъ. Съ тѣхъ поръ Іоаннъ оставилъ свѣтскую службу и приобрѣтенную имъ громкую славу. Душу его охватило стремленіе бѣжать мірской суеты, вселиться въ пустыню и здѣсь всего себя предать Богомыслию и жизни созерцательной. Но слезы матери, лишавшейся въ немъ единственнаго сына, отсрочили исполненіе его намѣренія. Какъ послушный, нѣжно любящій сынъ, онъ оставался хранителемъ и печальникомъ своей матери до ея смерти. Въ это время онъ усердно старался пополнить свое *хрістіанское* образованіе. Если ранѣе у знаменитыхъ учителей онъ знакомился съ тѣмъ, что лучшаго было въ наукахъ классическихъ (языческихъ), то теперь усердно изучалъ то, что создала наука хрістіанская. Особенно же трудился онъ надъ изученіемъ Священнаго Писанія въ Антіохійской школѣ духовнаго просвѣщенія.

Похоронивъ съ честью свою мать, Іоаннъ почувствовалъ себя свободнымъ. Онъ захотѣлъ осуществить давнишнее свое желаніе—удалиться въ пустыню, чтобы здѣсь продолжать свое духовное просвѣщеніе, безпрепятственно служить Богу, бесѣдовать съ Нимъ умомъ и сердцемъ. Четыре года подвизался онъ въ Антіохійской пустынѣ подъ руководствомъ одного старца и два года одинъ въ дикой пещерѣ среди совершеннаго уединенія. Во время этого подвижничества св. Іоаннъ сталъ писать свои знаменитыя творенія. Между прочимъ здѣсь написаны имъ его замѣчательнѣйшія шесть книгъ „о священствѣ“. Онъ написалъ ихъ по слѣдующему поводу.

У Іоанна былъ школьный другъ Василій. Учась вмѣстѣ въ Антіохійской школѣ, они дали другъ другу обѣщаніе—посвятить себя на служеніе Церкви. Василій вскорѣ исполнилъ свое обѣщаніе. Іоаннъ же долго медлилъ. Продолжительное удаленіе въ пустыню сочтено было его другомъ за рѣшительное уклоненіе отъ священства. Василій упрекалъ Іоанна въ неисполненіи имъ своего обѣщанія. Другіе обвиняли его въ гордости и тщеславіи. Іоаннъ долженъ былъ оправдываться. Съ этою цѣлію онъ и писалъ другу своему письма, въ которыхъ яркими чертами изображаетъ величіе и высоту священства и недостаточность силъ своихъ, чтобы принять на себя это званіе. Такъ велико было смиреніе этого величайшаго изъ Отцевъ Церкви! Въ письмахъ къ другу Іоаннъ между прочимъ писалъ: „священство, хотя совершается на землѣ, но принадлежитъ къ порядку небесныхъ учрежденій. Не человекъ, ни ангелъ, ни архангелъ, ни другая какая сотворенная сила, но Самъ Утѣшитель установилъ это служеніе и побудилъ пребывающихъ во плоти подражать службѣ

ангеловъ. Поэтому, священникъ долженъ быть такъ чистъ, какъ-бы стоялъ на небѣ среди силъ ангельскихъ... Когда видишь Господа закланнымъ и лежащимъ, священника предстоящимъ и молящимся, а всѣхъ окропляемыхъ честною кровію, думаешь-ли ты, что находишься еще съ людьми, стоишь на землѣ, и не кажется-ли тебѣ, что мгновенно ты перенесся на небеса и, отринувъ всѣ плотскія мысли, простою душею и чистымъ умомъ созерцаешь небесное? Живя на землѣ, священникъ призванъ къ распоряженію небеснымъ и получилъ такую власть, какой Богъ не далъ ни ангеламъ, ни архангеламъ. Имъ не сказано: *что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ, и что разрѣшите на землѣ, будетъ разрѣшено на небѣ...* Когда онъ (священникъ) призываетъ Св. Духа, совершаетъ страшную жертву и постоянно касается Владыки всяческихъ, скажи мнѣ, гдѣ помѣстимъ его? Какой потребуемъ отъ него чистоты и благоговѣнія? Подумай, каковы должны быть руки, служащія этому, каковъ языкъ, произносящій великія слова? Но всего чище и всего святѣе должна быть душа, принимающая благодать Св. Духа. Тогда ангелы предстоятъ священнику, всѣ небесныя силы зываютъ въ честь Лежащаго, окружая престоль Божій". Поэтому, на обвиненіе себя въ гордости и тщеславіи Іоаннъ отвѣчаетъ такъ: „если бы достаточно было только называться пастыремъ и исправлять должность, какъ попало, *пусть желающій обвиняетъ меня въ тщеславіи.* Если же принимающему на себя пастырство должно имѣть великое благоразуміе, а прежде всего великую благодать у Бога, добордѣтель, чистоту нравовъ и высоту жизни равноангельскую, *то не откажешь мнѣ въ прощени за то, что я не хотѣлъ безразсудно погубить себя...* Нѣтъ, я знаю свою душу немощную и слабую“...

Послѣ шестилѣтняго пустыннаго уединенія Іоаннъ возвратился въ Антиохію. Суровая подвижническая жизнь разстроила его некрѣпкое отъ природы здоровье, да несомнѣнно, усиленно вызывалъ его къ себѣ и Епископъ Антиохійскій Мелетій, сильно нуждавшійся въ просвѣщенныхъ сотрудникахъ. Вскорѣ по возвращеніи Іоаннъ отъ руки Мелетія воспріялъ санъ діакона, при чемъ были возложены на него слѣдующія обязанности: завѣдывать раздачею милостыни, надзирать во время Богослуженія за тишиною храма и быть стражемъ у дверей церковныхъ. Эту должность онъ исполнялъ *цѣлыхъ пять лѣтъ.* Здѣсь онъ познакомился съ бѣднотой, узналъ нужду голодную и холодную, пріобрѣлъ сочувствіе къ горямъ и несчастіямъ ближняго. Здѣсь же онъ сталъ проникаться искреннею любовію къ людямъ несчастнымъ и обездоленнымъ, а впослѣдствіи сдѣлался ихъ ходатаемъ и защитникомъ.

Пока св. Іоаннъ служилъ діакonomъ, Епископъ Мелетій скон-

чался. Вмѣсто его поставленъ былъ Флавіанъ. Въ 380 году онъ посвятилъ Іоанна въ санъ пресвитера. Пресвитеру Іоанну, какъ способному и талантливому оратору, поручено было проповѣданіе Слова Божія. Эта обязанность составляла святое призваніе Іоанна и была дѣломъ его жизни. Онъ отдался ей со всѣмъ жаромъ, въ пору своего мужества, отдался безавѣтно, посвятилъ любимому дѣлу всѣ силы своей пылкой души. Онъ проповѣдывалъ каждый день, проповѣдовалъ неоднократно, до усталости, до изнеможенія силъ.

Не легко было проповѣдывать тогда въ Антиохіи. Этотъ городъ былъ какъ бы столицею Востока и отличался большимъ многолюдствомъ. Какъ и всегда въ большихъ городахъ, въ Антиохіи уживались различныя противоположности: съ одной стороны, процвѣтаніе наукъ и искусствъ, съ другой—крайнее невѣжество, суевѣріе и упадокъ нравовъ. Богатство, роскошь и тщеславіе высшихъ классовъ, крайняя бѣдность, нищета и убожество низшихъ. Населеніе города принадлежало, въ добавокъ, къ различнымъ народностямъ и вѣроисповѣданіямъ: тутъ были сирійцы, греки, халдеи, іудеи... Среди нихъ немало было язычниковъ, значительное число іудействующихъ, много было и хрістіанъ. Здѣсь проповѣдывали нѣкогда св. Апостолы Павелъ, Петръ и Варнава. Жизнь хрістіанъ подъ вліяніемъ іудеевъ и язычниковъ не отличалась чистотою нравовъ. Послѣ хрістіанскаго Богослуженія Антиохійцы ходили въ синагогу, говоря, что у іудеевъ сохранились книги Закона Божія, принимали участіе не только въ іудейскихъ, но и языческихъ праздникахъ. Нецѣломудренныя зрѣлища, конскія ристанія, забавы языческаго цирка порождали сильную нравственную распущенность.—Вотъ среди какой обстановки приходилось жить и дѣйствовать Іоанну. Съ честію проходитъ обязанность церковнаго проповѣдника могъ здѣсь далеко не всякій. Нужно было для этого обладать большими способностями, глубокимъ просвѣщеніемъ, а еще болѣе горячею любовію къ паствѣ, любовью, которая радуется съ радующимся и проливаетъ слезы съ плачущими. Таковъ былъ Іоаннъ. Пастырское слово его было живо и дѣйственно. Паства внимала ему со всѣмъ усердіемъ. Вотъ ясныя тому доказательства. До Іоанна Златоустаго церковная проповѣдь произносилась за литургіей вслѣдъ за чтеніемъ Апостола и Евангелія. Благодаря этому среди современниковъ Іоанна наблюдалось такое обыкновеніе. Они приходили въ храмъ къ началу литургіи, чтобы не пропустить момента проповѣди. А потомъ, послѣ ея окончанія, многіе удалялись изъ церкви, не отстоявъ самой важной части Богослуженія-литургіи вѣрныхъ. Поэтому, составляя свой чинъ литургіи, Іоаннъ отнесъ моментъ произнесенія проповѣди къ концу обѣдни, приурочилъ ее ко времени причащенія священнослужителей въ алтарѣ.

Это, такъ сказать, косвенное доказательство того глубокаго вниманія и интереса, какими пользовались проповѣди Іоанна со стороны его паствы. Другимъ же прямымъ и болѣе сильнымъ доказательствомъ служитъ указываемый въ бесѣдахъ Іоанна слѣдующій обычай, наблюдавшійся во время произношенія имъ проповѣди. Нерѣдко случалось, что слушатели, приведенные въ восторгъ пламеннымъ пастырскимъ словомъ, разражались громомъ рукоплесканій. Іоаннъ останавливалъ ихъ, говоря: „что мнѣ въ вашихъ рукоплесканіяхъ? Исправленіе жизни и обращеніе къ Богу—вотъ лучшая похвала мнѣ отъ васъ“... На эти слова слѣдовали новыя рукоплесканія. Іоаннъ опять останавливалъ. Ему снова рукоплескали. Часто у церковной кафедры, у ногъ пастыря-проповѣдника проливались и слезы раскаянія. Одна женщина, съ жадностію внимавшая бесѣдѣ Іоанновой, въ простотѣ сердца во всеуслышаніе сказала ему: „истинно—ты Златоустый“. Это наименованіе удержали за нимъ исторія и Церковь православная.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Проповѣдникъ истиннаго возрожденія Россіи.

(Продолженіе).

Въ стихотвореніи „Ночь“ поэтъ чувствуетъ недостатокъ естественныхъ силъ въ своей „тяжелой земной битвѣ“ и нужду въ благодатной помощи:

Спала ночь съ померкшей вышины,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣнь,
И подъ кровомъ темной тишины
Ходитъ соя обманчивыхъ видѣній.

* * *

Ты вставай, во мракѣ^{*} снѣщій братъ
Освяти молитвой часъ полночи!
Божьи духи землю сторожать,
Звѣзды свѣтять, словно Божьи очи!

* * *

Ты вставай во мракѣ^{**} снѣщій братъ!
Разорви ночныхъ обмановъ сѣти!
Въ городахъ къ заутренѣ звонять,
Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.

* * *

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва.
О рабахъ безсмысленныхъ утѣхъ!
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

* * *

Ты вставай во мракѣ^{*} снѣщій братъ!

Пусть зажжется духъ твой пробужденный,
 Такъ, какъ звѣзды на небѣ горять,
 Какъ горитъ лампада предъ иконой.

Подобныя же мысли и чувства изображаетъ поэтъ и въ другомъ стихотвореніи—подъ заглавіемъ „Вечерняя пѣснь“:

Солнце скрылось, дымятся долины,
 Медленно сходятъ къ почлегу стада,
 Чуть шевелятся лѣсныя вершины,
 Чуть шевелится вода.

* * *

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную,
 Тихо славой горять небеса.
 Братья, оставимъ работу дневную,
 Въ пѣсню сольемъ голоса:

* * *

„Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздою,
 „Тихо сіяетъ струей золотою
 „Западный край.

* * *

„Господи! путь нашъ межъ камней и терній,
 „Путь нашъ во мракъ: Ты, Свѣтъ невечерній,
 „Насъ осіяй!

* * *

„Въ мглѣ полуночной, въ полуденномъ зноѣ,
 „Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
 „Въ тяжелой борьбѣ,

* * *

„Всюду сіяніе Солнца святого,
 „Божія Мудрость, и Сила, и Слово...

„Слава Тебѣ!“

Въ стихотвореніи „Труженникъ“ А. С. Хомяковъ изображаетъ всю тяжесть своего служенія. Онъ изнемогаетъ въ борьбѣ съ окружающимъ его зломъ. Онъ говоритъ: „пора на отдыхъ!“ Но, нѣтъ! Обзывая себя „рабомъ лѣнивымъ“ онъ вновь спѣшитъ къ своему плугу, ибо „жатва многа—дѣлателей мало“.

По жестокимъ глыбамъ сорной нивы,
 Съ утра, до истощенія силъ,
 Довольно, пахарь терпѣливый,
 Я плугъ тяжелый свой водилъ.

* * *

Довольно дикою враждою
 И злымъ безумьемъ окружень,
 Боролся крѣпкой я борьбою...
 Я утомленъ, я утомленъ!

* * *

Пора на отдыхъ! О дубравы!
 О тишина полей и водъ,
 И надъ оврагами кудрявый
 Вѣтвей снѣгающихся сводъ!

* * *

*

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
 Склонившись къ звонкому ручью,
 Хочу всей грудью жадной,
 Вдохнуть вечернюю струю.

* *
 * *
 * *

Стереть-бы потъ дневного зноя,
 Стряхнуть-бы грузъ дневныхъ заботъ!
 „Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
 Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!

* *
 * *

Вгляни на ниву: нашии много,
 А дня немного впереди.
 Вставай же, рабъ лѣнивый Бога;
 Господь велить: иди, иди!

* *
 * *

Ты купленъ дорогой цѣною,
 Крестомъ и кровью купленъ ты.
 Сгибайся-жь, пахарь, надъ браздою!
 Борись, борецъ, до поздней тьмы!“

* *
 * *

Предъ словомъ грознаго призванья
 Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
 А Ты безумнаго роптанья
 Не помани въ судъ Твоемъ!

* *
 * *

Иду свершать въ трудѣ и потѣ
 Удѣлъ назначенный Тобой,
 И не сомкну очей въ дремотѣ
 И не ослабну предъ борьбой.

* *
 * *

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
 Не отойду я отъ него,
 Покуда не прорѣжу нивы,
 Господь, для сѣва Твоего.

Въ стихотвореніи безъ заглавія поэтъ изображаетъ невѣріе современныхъ книжниковъ, исканіе ими новыхъ знаменій, подобно древнему роду еврейскихъ книжниковъ, про которыхъ Господь нѣкогда изрекъ: „родъ лукавъ знаменія ищетъ“...

Широка, необозрима,
 Чудной радости полна,
 Изъ воротъ Ерусалима
 Шла народная волна.
 Галилейская дорога
 Оглашалась торжествомъ:
 „Ты идешь во имя Бога,
 Ты идешь въ Свой царскій домъ!
 Честь Тебѣ, нашъ Царь смиренный,
 Честь Тебѣ, Давидовъ Сынъ!“

* *
 * *

Такъ, внезапно вдохновенный,
 Пѣлъ народъ. Но тамъ одинъ,
 Недвижимъ въ толгѣ подвижной,
 Школъ воспитанникъ сѣдой,
 Гордый мудростію книжной,
 Говорилъ съ усмѣшкой злой:
 „Этоль-ль Царь вашъ, слабый блѣдный,
 Рыбаками окруженъ?
 Для чего Онъ въ ризѣ бѣдной,
 И зачѣмъ не мчится Онъ,
 Силу Божью обличая,
 Весь одѣянь черной мглой,
 Пламенѣя и сверкая
 Надъ трепещущей землей?..“

* * *

И вѣка прошли чредою,
 И Давидовъ Сынъ съ гѣхъ поръ,
 Тайно права ихъ судьбою,
 Усмиряя буйный споръ,
 Налагая на волненье
 Цѣпь любовной тишины,
 Мнѣ живить, какъ дуновенье
 Наступающей весны.
 И въ трудахъ борьбы великой
 Имъ согрѣтыя сердца
 Узнають шаги Владыки,
 Слышать сладкій зовъ Отца.
 Но въ своемъ невѣры твердый,
 Ненесцельно остылелъ,
 Все, какъ прежде, книжникъ гордый
 Говорить: „да гдѣ-же Онъ?
 И зачѣмъ въ борьбѣ смятенной
 Историческаго дня,
 Онъ проходитъ такъ смиренно,
 Такъ незримо для меня,
 А пейдетъ, какъ буря злая,
 Весь одѣянь черной мглой,
 Пламенѣя и сверкая,
 Надъ трепещущей землей?“

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДѢТСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Живо помнится мнѣ, какъ въ одинъ изъ жаркихъ лѣтнихъ дней я вмѣстѣ съ старшею сестрою и нѣкоторыми товарками ея собрался на богомолье къ преп. Сильвестру, по простонародному выговору Селиверсту, Обнорскому. Мнѣ было тогда 8 или 9 лѣтъ. не болѣе. Путь же съ моей родины предстоялъ не малый и при-

томъ довольно затруднительный, такъ какъ путеводители мои рѣшили идти нѣшкомъ не проѣзжею, торною дорогою, а едва замѣтными тропинками по лѣсамъ и покосамъ. Но мнѣ, выросшему въ глуши болотъ и лѣсовъ, по привычкѣ было такое путешествіе чрезъ пни и колоды. Съ сверстниками своими я часто и надолго уходилъ въ лѣсъ за ягодами и грибами, не боясь ни звѣря, ни лихаго человѣка. Лицо и руки мои притерпѣлись уже къ колючимъ игламъ сосенъ и елей, а босыя ноги нисколько не ощущали острыхъ укаловъ отъ сучковъ и пней. Посему и въ этотъ разъ легко и бодро прыгалъ я съ кочки на кочку, далеко опережая своихъ спутниковъ. Сознаніе быть наравнѣ съ большими, стремиться съ ними къ одной и той же цѣли не оставляло меня ни на одну минуту и поддерживало мои ослабѣвавшія силы. А рассказы шедшихъ со мною богомолковъ, не разъ уже бывавшихъ „у Преподобнаго“, о его святой жизни, о чудесахъ по смерти, особенно же о томъ, что онъ подвизался въ строгомъ уединеніи, въ лѣсной чащѣ на берегу рѣки Обноры, еще сильнѣе настраивали мое дѣтское воображеніе и не давали чувствовать мнѣ усталости. Пробираясь по тропинкѣ сквозь чащу лѣсовъ, я искалъ глазами ту хижину, въ которой подвизался лѣсной отшельникъ, на что указываетъ и самое имя преп. Сильвестра (по переводу съ лат. яз. означаетъ лѣсной). Мнѣ думалось, что онъ живъ и теперь, что вотъ, вотъ онъ самъ явится предъ нами въ этомъ самомъ лѣсу, по которому мы проходили тогда. Въ такихъ думкахъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ слышанныхъ мною рассказовъ, незамѣтной становилась продолжительность пути. И вотъ, наконецъ, мы уже близко къ цѣли. Кончается лѣсъ. Открывается широкой просторъ полей съ деревушками, живописно расположенными по берегамъ извиистой рѣки Обноры. Проходимъ одну изъ такихъ деревень и предъ нашими глазами выступаетъ чудная панорама. Крутой спускъ подъ гору. Оттуда слышится шумъ водопада на мельницѣ. Подъ ногами у насъ въ глубокомъ и узкомъ ущельи протекаетъ рѣка. Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ она дѣлаетъ большой поворотъ, подмывая противоположный берегъ, обросшій густымъ лѣсомъ. Изъ за лѣсу чуть-чуть виднѣтся шпиль колокольни и кресты на главахъ церкви села Воскресенскаго, расположеннаго на правомъ берегу Обноры, гдѣ подъ спудомъ почиваютъ мощи преп. Сильвестра Обнорскаго.

Благословенная Обнора! Сколько святыхъ воспоминаній связано съ тобою въ жизнеописаніяхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, подвизавшихся въ предѣлахъ Вологодскаго края: Корнилія Комельскаго, Павла Обнорскаго, Сергія Нуромскаго, Сильвестра Обнорскаго и Геннадія Костромскаго! Живописныя берега твои нѣкогда освященны были ихъ подвижническими стопами, воздѣланы ихъ преподобническими руками. Въ тѣнистыхъ лѣсахъ тво-

ихъ незримо для людей, но вѣдомо Богу возносилась къ небу ихъ денно-нощная молитва. Святыми трудами ихъ мало по малу воздвигались храмы Божіи, созидались иноческія обители. И съ тѣхъ поръ холмы и доли твои стали оглашаться звономъ колоколовъ, высокіе берега твои стали украшаться бѣлокаменными церквами съ многолюдными селами и деревнями. Нѣкоторыя приходскія церкви и монастыри въ своемъ прозваніи и доселѣ удержали твое достославное имя. Таковъ напр. монастырь Павло-Обнорскій, таковъ же былъ и монастырь Сильвестра Обнораго, существовавшій до 1764 г., а нынѣ приходская церковь Любимскаго уѣзда Ярославской епархіи, почти на самой границѣ съ Грязовецкимъ уѣздомъ Вологодской епархіи.

Протекая по тому и другому уѣзду, рѣка Обнора, начиная еще съ верхняго теченія своего въ видѣ небольшой рѣчки Нурмы (Обнора есть продолженіе Нурмы) и далѣе на всемъ протяженіи своемъ до впаденія въ рѣку Кострому (гдѣ находится Спасо-Геннадіевъ монастырь), по глубокому ущелью и крутымъ высокимъ берегамъ дѣйствительно представляетъ собою выдающееся явленіе въ нашей сѣверной, низменно болотистой мѣстности. Это въ своемъ родѣ будетъ уголокъ Швейцаріи, какъ выразился одинъ достопочтенный путешественникъ. Понятно, что и я во время своего путешествія на поклоненіе мощамъ преп. Сильвестра, будучи простымъ деревенскимъ малышомъ, невидавшимъ доселѣ ничего такого, что бы могло возбуждать эстетическое чувство, не могъ, конечно, не придти въ восхищеніе отъ этой прекрасной картины природы. Выйдя изъ лѣсу на высокій берегъ Обноры противъ бывшей обители Преподобнаго, я положительно онѣмѣлъ отъ удивленія, такъ что сопутствующая мнѣ сестра моя принуждена была толкнуть меня, чтобы вывести изъ такого состоянія. „Что ты“...., сказала она, назвавъ меня уменьшительнымъ именемъ. „Али очумѣлъ? Ступай, бѣги бѣгомъ подъ гору. Скоро, поди, къ вечернѣ заблаговѣстятъ“.

И правда, только что мы перешли рѣку по плотинѣ у мельницы и стали подниматься въ гору, какъ ударили въ большой колоколъ къ вечернѣ. Эхо звучнаго колокола раскатилось густою волною по лоцинѣ между горами. Неслыханный дотолѣ мною звонъ большого колокола снова поразилъ меня, что называется, въ самое сердце, привелъ меня въ благоговѣйный трепеть. Моему дѣтскому воображенію чудилось опять, что это самъ Преподобный зоветъ насъ въ свой храмъ на поклоненіе его святымъ мощамъ. Съ такимъ святымъ настроеніемъ души подходилъ я къ церкви и вступалъ во внутренность храма, поминутно останавливаясь предъ тѣмъ, чего мнѣ не приводилось еще видать. Но эта разсѣянность моя раздражала мою сестру и она все время подталкивала меня сзади, чтобы я проходилъ впередъ и

не глазѣлъ по сторонамъ. Что я испыталъ потомъ, стоя въ храмѣ Божиѣмъ за службами вечерни и всенощнаго бдѣнія,—былъ престольный праздникъ,—какое впечатлѣніе произвела на меня, невиданная мною до сего разу, праздничная торжественная служба, того я не берусь передать словами; но думаю, что не ошибусь, если сравню свое тогдашнее душевное состояніе съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находился Ап. Петръ на горѣ Фаворѣ. Господи, добро мнѣ здѣ быти!—вотъ, что ощущала моя дѣтская душа. Отъ избытка религіознаго чувства, отъ полноты воспринятыхъ св. впечатлѣній я, разумѣется, не замѣчалъ продолжительности Богослуженія, не скучалъ, да и не шалилъ и не разговаривалъ въ церкви, какъ это нерѣдко дѣлають нынѣшніи избалованныя дѣти, которыхъ нѣжно любящія матери приводятъ нарочно къ концу службы, или, наоборотъ, ужъ очень скоро уводятъ домой изъ церкви, дабы продолжительнымъ стояніемъ не утомить, не измучить своего ребенка. Слава Богу, насъ не такъ воспитывали прежде. Больше ли любили, я не знаю; но несомнѣнно утверждаю, что прежде гораздо меньше баловали, нѣжили, угождали. Затѣмъ вернусь къ своему разсказу.

Простоявъ двѣ службы подъ рядъ послѣ цѣлдневнаго изнурительнаго путешествія, я вышелъ изъ церкви съ сестрою и товарками ея, когда уже вечерняя заря потухла и на сводѣ небесномъ заблестали звѣзды. Надо было позаботиться о ночлегѣ. Но такъ какъ по случаю наступающаго праздника въ селѣ собралось много народу—и въ гостинницѣ и въ церковной сторожкѣ намъ не оказалось мѣста,—то мы со своей компаніей расположились ночевать подъ открытымъ небомъ, прямо на лонѣ природы, около церкви на лужайкѣ. Благо, что ночь была теплая и безоблачная. Поужинавъ изъ своихъ скудныхъ запасовъ, взятыхъ изъ дому, я тотчасъ же заснулъ крѣпко. Однако спать пришлось не долго.

Рано утромъ по восходѣ солнца сестра разбудила меня умыться. „Вставай, сказала она, пойдемъ къ Преподобному на колодчикъ умываться и напиться святой водички“. Я еще вчера горѣлъ нетерпѣніемъ побывать на этомъ колодчикѣ; ибо я слышалъ изъ разсказовъ богомолковъ, что кладезь этотъ съ ключевою водою былъ выкопанъ самимъ Преподобнымъ. Поэтому и теперь я съ радостію откликнулся на приглашеніе идти къ источнику. Я не сталъ просить, чтобы меня оставили въ покоѣ, дали бы мнѣ хотя еще немножко понѣжиться, поспать, что, навѣрно, дозволила бы нынѣ своимъ дѣткамъ любая мамаша, даромъ что они просятъ раннюю обѣдню, да пожалуй и къ поздней опоздають. Нѣтъ, прежде намъ такой поблажки никогда не дѣлали. Наши родители, и вообще старшіе, не любили повторять своихъ приказаній и дѣти слушались ихъ съ перваго слова. Что разъ

было сказано, то должно быть и сдѣлано. Такъ-то и въ этомъ случаѣ, протирая глаза отъ сна, я и виду не показалъ, что мнѣ спать страшно хочется. Направляясь къ колодцу, я замѣтилъ уже цѣлыя вереницы шедшихъ туда богомольцевъ и богомолковъ съ привязанными къ котомочкамъ кружечками или чайничками, что бы зачерпнуть святой водички и принести своимъ домашнимъ. Помню, меня поразилъ здѣсь необыкновенно крутой спускъ по ступенькамъ лѣстницы, проложенной среди толстыхъ елей, къ подошвѣ горы, гдѣ у самой рѣки стояла часовенка надъ источникомъ. Отсюда, съ рѣки поднимался кверху густой туманъ и своею сыростію обхватилъ меня съ ногъ до головы, такъ что во всемъ тѣлѣ своемъ я почувствовалъ дрожь. Еще болѣе усилилась во мнѣ эта дрожь, когда я подошелъ къ самому источнику, отъ котораго, какъ точно изъ погреба, обдавало холодомъ. Но не это только пугало меня, почему я долго не рѣшался напиться холодной воды изъ источника. Мнѣ думалось, что эта чистая, какъ кристалль, вода, бьющая ключемъ изъ горы, течетъ изъ подъ самой церкви, отъ могилы Преподобнаго; слѣд. это не простая ключевая вода, а дѣйствительно святая, которую нужно принимать со страхомъ и благоговѣніемъ. Сестра точно угадала мои мысли, сказавъ мнѣ: „не бойся, пей благословясь. Угодникъ тебѣ здоровья дастъ“,—и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, я напился и умылся во здравіе свое по вѣрѣ въ Преподобнаго.

Послѣ умыванья, въ ожиданіи обѣдни, мы отправились погулять по берегу рѣки лѣсными тропинками, обошли кругомъ церкви и вышли въ село, гдѣ уже замѣтно было большое оживленіе по случаю базара. Здѣсь купила мнѣ сестра немного деревенскихъ гостинцевъ, которыя я тотчасъ же и сталъ пробовать. Но вотъ, когда у меня оставался всего лишь одинъ гостинецъ, случилось такого рода обстоятельство. Въ это время мы проходили по кладбищу, поспѣвая въ церковь къ обѣднѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги сидѣли нищіе, слѣпые, хромые и всякаго рода калѣки, Христовымъ именемъ выпрашивающіе милостыню у проходящихъ богомольцевъ. Сюда же на ручной тележкѣ привезенъ былъ одинъ убогій съ необыкновенно большою головою и съ несоразмѣрно малымъ туловищемъ и ногами, какъ у ребенка. Это такъ поразило мое сердце жалостію къ несчастному уроду, что я невольно протянулъ къ нему руку и положилъ ему на тарелочку послѣдній свой гостинецъ. Сестра моя, должно быть, замѣтила во мнѣ такую жалость къ страждущему и, одобряя мой самоотверженный поступокъ, сунула мнѣ въ руку еще одинъ гостинецъ и я спокойный и довольный пошелъ въ церковь къ обѣднѣ. Поистинѣ, чья душа пламенѣетъ любовію къ Богу, та не можетъ не любить и не жалѣть ближняго своего, а особливо страждущаго брата.

Послѣ обѣдни и молебна Преподобному всѣ богомольцы обыкновенно прикладываются къ рактѣ Преподобнаго и, падая ницѣ на полѣ, заглядываютъ чрезъ отверстіе въ нижней ступенькѣ подѣ раку на могильный склепѣ, въ который положенъ гробѣ съ мощами Угодника, а склепѣ предварительно освѣщается огаркомѣ зажженной свѣчи. Такое согляданіе могилы Преподобнаго, мѣста его блаженнаго упокоенія не только въ тѣ дѣтскіе годы, но и потомѣ, когда я уже былѣ взрослымѣ, на меня всегда производило сильное религіозное впечатлѣніе. Душа моя въ одно и тоже время и радостію трепетала отѣ такой близости къ святому человѣку и объята была страхомѣ за свое недостойнство. И всѣ такого рода впечатлѣнія отѣ лицезрѣнія святыни не изглаживаются изѣ памяти во всю жизнь.

А посему и посѣщеніе святыхѣ мѣстѣ съ цѣлію поклоненія святынь вполнѣ достохвально и для дѣтскаго возраста положительно необходимо; этимѣ возбуждается въ дѣтяхѣ религіозное чувство, чрезъ это укрѣпляется въ нихѣ живая вѣра. Не надо никогда забывать словѣ Ап. Павла, что сердцемѣ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе (Рим. X, 10). Нынѣ часто устраиваютѣ, такѣ называемыя, образовательныя экскурсіи учащейся молодежи для пополненія знаній, для облагораживанія вкуса и т. п. Если эти послѣднія, преслѣдующія цѣль любознательности, или только ради пустаго развлеченія находятѣ нужными и полезными для дѣтей, то что сказать о первыхѣ, имѣющихѣ высокую цѣль воспитанія дѣтей въ духѣ хрістіанскаго благочестія? Благочестіе же, по слову Писанія, на все полезно есть; обѣтованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго.

М.....ій.

Открыта подписка на 1908-й годѣ
на изданіе
Церковное Слово.

выходитѣ еженедѣльно.

Цѣна съ пересылкой ДВА руб. въ годѣ, на полгода
ОДИНЪ руб., за три мѣсяца 50 к.

Адресъ: Вологда, Архіерейскій домѣ.

Цевзорѣ Протоіерей *Н. Якубовѣ.*

Редакторѣ Свящ. *Н. Коноплевѣ*

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.